

Таким образом, при переводе художественного текста чрезвычайно важной задачей для переводчика является наиболее точное воспроизведение индивидуально-авторского стиля. Творческие решения в подходе к идиостилистическим элементам оригинала способствуют максимальному достижению соответствующего прагматического и эстетического эффекта переведенного текста. Учитывая факт неизбежности семантических потерь вследствие асимметрии языковых и культурных систем, а также различного характера интерпретации переводчиком исходного текста, стремление к их минимизации является, по всей видимости, одним из важнейших ориентиров в процессе передачи художественного произведения средствами переводимого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков, М. А. Собачье сердце [Электронный ресурс] / М. А. Булгаков. – Режим доступа : www.vehi.net/mbulgakov/sobach.html. – Дата доступа : 01.12.2016.
2. Drohla, G. Hundehertz [Электронный ресурс] / G. Drohla. – Режим доступа : https://vk.com/doc143790965_332239583. – Дата доступа : 01.12.2016.
3. Nitzberg, A. Das hündische Herz [Электронный ресурс] / A. Nitzberg. – Режим доступа : <https://dtv.de/.../michail-bulgakow-das-huendis>. – Дата доступа : 01.12.2016.

А. Б. Чернышев (Рыбинск, Россия)

КОНФИГУРАЦИЯ «ИЗМЕНЕНИЕ» В СЕМАНТИКЕ МОРФЕМ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ*

В широко применяемом и получающем в последнее время в лингвистической науке полноценное теоретическое освещение понятии *картина мира* наметились тенденции интегрального подхода к этому явлению. В этой связи О. А. Корнилов отмечает, что специфические черты семантики образуют картину фактически отдельных фрагментов мира, а само выделение в языке заведомо специфического предполагает, в свою очередь, и наличие семантически неспецифического, общего для всех языков [1, с. 92]. Из этого понимания следует, что в любой языковой единице любого языка закрепляется общее и частное, объективное и субъективное, универсальное и специфическое. Так универсалиями становятся языковые (грамматические и морфологические) и понятийные категории, отражающие здравую интуицию.

* Исследование выполнено при поддержке Городского общественного научно-экспериментального фонда «Языковая среда» (г. Рыбинск).

Как указывает А. Вежбицкая, одноименные категории разных языков могут быть в какой-то степени приравнены друг к другу в зависимости от некоторого общего семантического ядра [2, с. 46 – 47].

Одним из межъязыковых универсалий является «изменение». В рамках настоящего исследования «изменение» интерпретируется в двух аспектах: как способ описания грамматики пространства и как смысловой феномен.

С точки зрения описания грамматики пространства «изменение» представляет собой конфигурацию применительно к семантической сети морфемы (Пайар, Плунгян, Селиверстова, Добрушина, Кронгауз). Конфигурация «изменение» присуща тем морфемам, которые актуализируют модели датива как универсального падежа, как той общей стратегии [3, р. 14], которая отражается и модифицируется в частном и специфичном.

В качестве смыслового феномена «изменение» основывается на трансформации какого-либо свойства, присущего предмету, – функционального, качественного, количественного. При этом изменение касается не только релятума, но и локализуемого объекта. Проанализируем, как модифицируется конфигурация «изменение» в зависимости от когнитивных моделей как устойчивых образно-схематических признаков семантики морфем и глаголов в разноструктурных языках.

В английском языке общее значение таких глаголов, как *to change* ‘менять’, *to turn* ‘поворачивать’, ‘обращаться’, *to switch* ‘переключать’, которые требуют предлог *to*, моделирующий датив и т.п. вытекает из идеи кардинальной смены событий, образующих единство в своей последовательности:

(1) *I told her to stick with the blue dress for the hair spray, and **change to the green for the lipstick*** [4, р. 89];

(2) *He lit a fresh cigarette and intentionally **turned** his thoughts **to** the new future that awaited him* [Там же, р. 19];

(3) *I'm booked out on the noon flight tomorrow but he's trying to **switch me to** a later plane so we can get in one last round of golf* [Там же, р. 256].

С точки зрения когнитивной модели предлога *to* задаваемый домен предусматривает наличие нескольких возможностей, рассматриваемых как единство смысла, т.е. возможности выбора цвета в (1), возможности выбора предмета мыслей (2) и возможности выбора самолета (3).

Во французском языке изменения, актуализируемые предлогом *à*, также связаны с идеей превращения, обращения, со всем тем, что меняет качество и свойство одного предмета в пользу другого:

(4) *... tant la situation avait rapidement **tourné au** dramatique* [5, р. 203].

В событии (4), описываемом через глагол *tourner* (‘обращать’) с предлогом *à*, фиксируется резкое превращение ситуации в драматическую.

Описание замены одного участника ситуации на другого чаще реализуется через глагол *substituer*. В данных сценариях также используется предлог *à*:

(5) *Il s'avança donc incontinent vers son lit pour **substituer** le beau pourpoint gris-perle **à** celui-là* [6, р. 301].

В (5) участник сценария меняет хороший камзол на другой.

Таким образом, изменения, актуализируемые английским предлогом *to* и французским предлогом *à*, предполагают пропорциональный переход в частичном объеме заданных количественных, качественных и прочих характеристик как материального, так и духовного характера в комплексе единого сценария.

Особого внимания заслуживает анализ случаев актуализации «изменения» узбекским аффиксом *-ga*, который употребляется с гораздо бóльшим количеством глаголов, управляющих дательно-направительным падежом:

(6) *Orada bir oz sukunatdan so'ng, suhbat boshqa mavzuga ko'chdi* [7, p. 93].

Изменение темы беседы (*mavzu*) логически происходит в единстве разговора. В этом смысле обе темы представляют собой единое целое, чем обусловлено употребление аффикса *-ga*:

(7) *Hayotiy sarguzashtlarini eshitib, hayratga tushdim* [Там же, p. 79].

Изумление (*hayrat*) представляет лишь часть психологического процесса восприятия ситуации, описываемой в единстве всех событий. Этим объясняется и выбор глагола так называемого случайного, внезапного действия – очутиться ‘*tushmoq*’:

(8) *Shamol dovulga aylanay dedi-ya* [Там же, p. 114].

Обращение ветра в бурю становится последовательным звеном природных законов в единстве сценария, описывающего погодные условия.

Таким образом, сопоставительный анализ конкретного языкового материала позволяет прийти к заключению о том, что потенциально любая традиционно грамматическая и понятийно-смысловая категория актуализируется в языке как общее и частное, как универсальное и национально-специфическое, культурно-специфическое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЧеРо, 2003. – 349 с.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описания языков / А. Вежбицкая / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – I–XII, 780 с.
3. Croft, W. Typology and Universals / W. Croft. – 2 ed. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. – 368 p.
4. Susann, J. The Love Machine / J. Susann. – London : A Corgi book, 1980. – 511 p.
5. Dumas, A. La reine Margot / A. Dumas. – Moscou : Ed. en langues etrangeres, 1955. – 695 p.
6. Dumas, A. La dame de Monsoreau : la bibli. élect. du Québec / A. Dumas. – Vol. 679 : version 1.0. – 673 p.
7. Ахроров, Ш. Аждодлар умиди [Электронный ресурс] / Ш. Ахроров. – Ташкент, 2000. – Режим доступа : http://www.nursafardiyya-sufism.com/ru/files/books/book_11_2.pdf – Дата доступа : 12.06.2016.